

Евроспячка

Почему Запад как витрина демократии — красивый, но (пока) совершенно неактуальный для России пример

Берлин. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

16:21, 4 февраля 2025,

Андрей Сапожников

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Одно из удивительных открытий, ожидающих любого человека, только переехавшего в Европу, — это местное безразличие к явлению международного туризма. В 2022 году, по данным Евростата, лишь 6% от общего числа туристических поездок резидентов Евросоюза пришлись на страны за его пределами. Что характерно — в основном на Великобританию, Швейцарию и Турцию.

Речь идет преимущественно о людях с очень сильными паспортами, которые делают безвизовым почти весь земной шар, высокими по общемировым меркам доходами и доступом к развитой и дешевой гражданской авиации. Почему эти возможности искушают столь малый процент европейцев?

Для меня этот парадокс прояснился, когда после нескольких месяцев пребывания в ЕС мне потребовалось совершить поездку «вовне» на неделю, что вызвало у меня неожиданную тревогу. Ко всему хорошему действительно быстро привыкаешь, и после жизни в мире, где в метро нет турникетов и контролеров, а главная общественная проблема — запаздывающие поезда, на территорию по ту сторону границы смотришь с недоверием. Ведь там не придется рассчитывать на привычный уровень комфорта и безопасности, к которому Европа пришла через кровавый, полный потрясений XX век, и сейчас находится на заслуженной пенсии, пожиная плоды борьбы давно минувших десятилетий в статусе, как однажды выразился колумнист The Guardian, «самого близкого к краю места на Земле».

Близость к краю, опять же, не дармовая, а выстраданная двумя мировыми войнами, восстаниями против просоветских режимов, пытками в тюрьмах Штази и коллективной рефлексией преступлений самых чудовищных диктаторов столетия.

Эти травмы воспитали в европейцах поразительную эмпатию, благодаря которой миллионы людей нашли на их континенте убежище от репрессий и вооруженных конфликтов. Но эмпатия не равноценна вовлечению.

Условный француз (и это не выдуманный персонаж) может искренне сочувствовать жителям Грузии, которые второй месяц под слезоточивым газом и водометами требуют повторных выборов возле парламента в Тбилиси, и одновременно удивляться, отчего это в американском штате Джорджия полиция вдруг пошла на такие меры. И именно за такое блаженство условного французского грузины сейчас и борются, как и украинцы в 2013-м или литовцы в 1991-м.

Ведь это естественная человеческая потребность — жить внутри экономически успешной и охраняемой зоны комфорта, забыв обо всяких не в меру навязчивых соседях и существовании двух разных «Джорджий». Именно с этим состоянием Евросоюз (и отчасти НАТО) ассоциируется у стран, стремящихся в него интегрироваться, и, как показывает практика расширения блока в 2000-х и начале 2010-х, ожидания эти небеспричинны.

Но в таких устремлениях к ЕС и олицетворяемой им либеральной демократии заложено внутреннее противоречие — в него нельзя вступить, руководствуясь европейскими и либерально-демократическими традициями политического участия. Это, по крайней мере, совершенно нерелевантно для постсоветских республик, где враги проевропейского курса относятся к нему с совсем уж откровенным презрением, подкрепленным жестокостью.

Продолжая ультразападническую аналогию между современной Европой и раем, в нашем контексте стоит отметить, что в мировой мифологии место на небесах зачастую заслуживают мученики, аскеты и герои — и попадание в безмятежное, избавленное от раздоров место представляется как награда за пережитые ими страдания. Главное концептуальное различие между раем и Европой как раз в том, что «мученического фильтра» в ней нет. Достаточно просто переехать в страну ЕС или в ней родиться, чтобы наслаждаться институтами и уровнем жизни, ради которого «мученики» прошлого — от Робера Шумана (которого, кстати, французы действительно пытаются канонизировать), Конрада Аденауэра или Вацлава Гавела до венгерских повстанцев и участников событий в Праге в 1968-м — шли на поразительные жертвы и риски. Шли в том числе ради того, чтобы их внукам не приходилось убегать через «полосу смерти» от спецслужбистов, кидавших за решетку 16-летних подростков. Которые всего-то хотели послушать Rolling Stones у Берлинской стены.

Мечта «мучеников» сбылась, и территория, которую сейчас занимает Евросоюз, не знает пертурбаций с начала 1990-х. За это время на ней выросло несколько поколений с «райским» мирозерцанием — особенно если говорить про Западную Европу, которая населена людьми преимущественно индивидуалистского склада, чрезвычайно ценящими свою зону комфорта, личные границы и не представляющими, как в принципе можно чем-либо рисковать ради целей государственного масштаба.

У такого индивидуализма есть обратные стороны вроде массового одиночества и проблем с демографией, но в политическом отношении оно опасно своей, скажем, контекстуальностью. Потому что условный немец, который в ФРГ считается ответственным гражданином ввиду того, что он голосует на выборах, состоит в профсоюзе и периодически участвует в охраняемых полицией митингах, был бы совершенным «нулем» в политиконе Беларуси или России 2025 года. Его поведенческая модель ориентирована исключительно на контекст, где гражданское участие не связано с рисками или издержками и необходимо лишь для поддержания «в тонусе» институтов, которые исправно работают десятилетиями.

И ему совершенно нечего посоветовать людям, которые стремятся к созданию аналогичных институтов в странах, где для таких устремлений предусмотрены уголовные статьи об экстремизме. Европейцы (а также американцы, канадцы, австралийцы, японцы и другие представители либерально-демократических систем) не знают, что такое диктатура в XXI веке, самый актуальный их опыт противодействия тиранам был приобретен в совсем другой реальности, в которой у тех как минимум не было цифровых инструментов, как максимум — были осложняющие обстоятельства вроде военного вмешательства (гитлеровский режим) или внутренней

дезинтеграции метрополии (СССР конца 1980-х).

Нынешние обстоятельства таковы, что «расширение авторитарного правления» или «разрастание сети диктатур» 2020-х, о которых сейчас бьют тревогу многие западные интеллектуалы — в частности, Энн Эпплбаум, — это одинаково новый для всего мира феномен, вакциной от которого еще никто не обладает.

Только в воображении кремлевских пропагандистов существует чудесная вселенная, где «коллективный Запад» невидимой рукой дотягивается до любых континентов и оркеструет там цветные революции по заранее уготовленным рецептурам и методичкам.

Понять абсурд этой концепции можно, собственно, взглянув на эти методички. Например, на наиболее часто упоминаемую — благодаря Владиславу Суркову — по российскому ТВ «книжку Шарпа», то есть «От диктатуры к демократии» американского профессора политологии Джина Шарпа, который сам признавал, что описанные в ней методы ненасильственной борьбы не работают в консолидированных автократиях и носят символический характер, способный что-то изменить только в «относительно демократичных» или дряхлеющих режимах. Как во время протестов против расовой сегрегации в США или в ходе движения за независимость в странах Балтии в начале 1990-х.

Обложка книги Эрнста Юнгера

Еще большее разочарование ждет читателя классического трактата «Уход в лес» немецкого мыслителя Эрнста Юнгера, в котором он интерпретирует свободу от деспотизма как форму индивидуального преобразования, достигаемого в результате самовольного изгнания себя из общества в аллегорический лес, — ведь открытый вызов диктатуре контрпродуктивен и приведет к тюремному заключению. «Тот, кого изгоняли во времена наших предков, был приучен к собственным мыслям, к трудной жизни и самостоятельному действию... Сегодня это не так. Люди встроены в коллективное и конструктивное таким способом, который делает их совсем беззащитными», — писал Юнгер в 1951 году.

Эти бесконечно далекие друг от друга работы довольно точно отражают, какие рекомендации сейчас может дать Запад своим стремящимся к свободе восточным соседям. Или устаревшие

инструкции по давлению на порочные полудемократические режимы, или, грубо говоря, эстетствующие размышления о победе личности над властью. Потому что именно такие виды борьбы Европа и практиковала.

И в 2025 году смотреть на нее как на территорию успешной демократизации — это то же самое, что начинать свой первый бизнес, руководствуясь книгой потомственного миллионера Дональда Трампа «Как стать богатым». Занимательно, но не слишком соотносится с актуальным положением вещей, которое определяют акторы вроде России, Китая, Ирана и Северной Кореи — с их беспрецедентными пропагандистскими кампаниями (об уязвимости демократий перед которыми я [писал](#) для «Новой газеты» в прошлом году), системами слежки и интернет-цензуры.

Вышеперечисленное интересует Запад исключительно в те моменты, когда автократии вторгаются в его зону комфорта через очередной пропагандистский сайт вроде Voice of Europe или кампанию Doppelgänger. Тогда начинаются расследования, накладываются санкции, происходят депортации и аресты. Но «на расстоянии» ЕС (и даже США, обжегшиеся неоконсерватизмом в 2000-е) предпочитают активному противостоянию диктатурам сдерживание, о чем, к слову, в своей методичке писал Шарп, призывая угнетенных не надеяться на «спасителей из-за рубежа». Потенциальные спасители давно для себя все проблемы в этой области разрешили и сейчас наслаждаются результатами своей работы, находясь на принципиально иной ступени политического процесса.

А постсоветскому пространству и Глобальному Югу остается вырабатывать собственный, уникальный для своего контекста курс лечения, который в первую очередь должен быть ориентирован на цифровую инфраструктуру диктатур. И здесь уж точно не следует ждать совета от сочувствующей Европы, до

сих пор использующей факс для деловой корреспонденции.